

УДК 343.126:163 «18/19»

В.П. Горбачев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебных экспертиз Донецкого юридического института МВД Украины
(e-mail: gorvp58@mail.ru)

ВЛИЯНИЕ ПРОКУРОРА НА ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ 1864 г. В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В историческом контексте освещаются вопросы юридической роли прокурора в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Рассматривается один из вопросов, с точки зрения значимости непреодолимо актуальный: защита прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве, гарантированность такой защиты; прокурорский надзор как один из наиболее действенных средств их обеспечения.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, освобождение из-под стражи, прокурор, прокурорский надзор.

Обеспечение соблюдения прав личности при применении такой меры пресечения, как заключение под стражу, – один из центральных вопросов уголовного процесса. Для этого законом предусмотрены различные меры, среди которых особое значение отводится прокурорскому надзору. На этапах развития уголовного процессуального законодательства прокурор играл разную роль в решении вопросов применения заключения под стражу как меры пресечения. В связи с этим важно обратиться к изучению исторического опыта в данном вопросе, в том числе законодательства Российской империи и практики его применения по судебной реформе 1864 г.

Вопросы применения заключения под стражу как меры пресечения изучали многие дореволюционные ученые и практические работники: Н.А. Буцковский, С.И. Викторский, М.Н. Гернет, В.М. Гессен, Н.В. Давыдов, М.В. Духовской, А. Ельсон, А. Каррас, А.Ф. Кистяковский, А.Ф. Кони, П.И. Люблинский, Н.В. Муравьев, П.В. Макалинский, Н.Н. Розин, В.К. Случевский, А.А. Соколов, Н.С. Таганцев, Д.Г. Тальберг, И.Т. Тарасов, А.Н. Трайнин, Д.П. Тихомиров, В. Фром, А.П. Чебышев-Дмитриев, С.Г. Щегловитов, И.Я. Фойницкий и др. В советский и современный период рассматриваемая тема в отношении России интересовала В.Г. Бессарабова, А.В. Верещагина, Б.В. Виленского, А.Б. Гусейнова, А.А. Корнякова, Р.В. Савуляка, Н.В. Ткачеву, Е.А. Филиппову, М.А. Чельцов-Бебутова, А.Н. Ярмышу и др. Однако, несмотря на многочисленные исследования, вопрос о правовом влиянии прокурора на применение заключения под стражу так и не был достаточно освещен. Попробуем совершить еще одну попытку и все-таки попытаться выяснить юридическую роль прокурора в избрании и отмене заключения под стражу как меры пресечения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

В дореформенный период в рамках уголовного процесса прокурорам и стряпчим было предоставлено право требовать взятия обвиняемого под стражу, если это было необходимо по роду преступления [1, с. 33]. После учреждения в 1860 г. института судебных следователей надзор за законностью ареста ими лиц был возложен уже на суд, который имел право отменить распоряжение следователя о задержании подозреваемого [2, с. 722]. По завершению проведения судебной реформы в переходный период в соответствии с Законом от 7 марта 1866 г. «О некоторых изменениях и дополнениях в законах о правах и обязанностях лиц прокурорского надзора» полицейские управления должны были представлять на просмотр уездных стряпчих свои постановления «по рассмотрению полицейских дознаний и по задержанию лиц под стражею» [3, с. 226–227]. А Законом от 15 мая 1867 г. «О пресечении обвиняемым способов уклоняться от следствия и суда» [4, с. 749] в отмену старых правил о мерах пресечения, предусмотренных Сводом законов, на местности, где «до времени не введено еще судебное преобразование», распространено действие новых правил о мерах пресечения, предусмотренных ст. 415–431 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) [5]. В результате судебной реформы 1864 г. прокурору не было предоставлено право самостоятельно избирать меры пресечения, а на их избрание судебными следователями и другими уполномоченными лицами не требовалось его согласие. Однако прокурор был наделен определенными правовыми средствами влияния на применение заключения под стражу как меры пресечения: с одной стороны, он имел право требовать освобождения арестованного, а с другой – право требовать ареста обвиняемого.

Определенной гарантией прав арестованных было право прокурора требовать их освобождения. Судебный следователь при взятии обвиняемого под стражу об основаниях такого решения должен был немедленно уведомить прокурора. При этом прокурор имел право требовать, чтобы следователь ограничился менее строгой мерой, «если обвиняемый не навлекает на себя достаточного подозрения в преступлении, влекущем за собой лишение всех прав, состояния или потерю всех особенных прав и преимуществ» (ст. 283 УУС). По разъяснению в 1872 г. Правительствующего Сената прокурор мог использовать это право только в случае иной оценки им собранных улик и признания их недостаточными [6, с. 279; 7, с. 655].

Требование закона о сообщении прокурору следователем об аресте обвиняемого на практике осуществлялось путем направления копии постановления об избрании меры пресечения, хотя закон прямо не указывал на это [7, с. 655]. Прокурор, в свою очередь, должен был проверить законность каждого ареста. В связи с этим, как отмечал А.Ф. Кистяковский, всякий арест подсудимого мог остаться в силе в том случае, если прокурор признал его основательным. При этом проверка основательности ареста должна была состоять в оценке достаточности подозрения арестованного в совершении преступления, за которое предусматривалось лишение всех прав или всех особенных прав и преимуществ (ст. 283 УУС), что являлось существенной гарантией для арестованного [8, с. 175–176]. Также А.Ф. Кистяковский предлагал толковать закон шире. Несмотря на то, что в ст. 283 УУС говорилось об обязанности прокурора проверять основательность ареста с точки зрения достаточности улик обвинения, исследователь утверждал, что прокурор обязан проверять основательность ареста с точки зрения и других мотивов. Прокурор имел право и был обязан потребовать замены ареста более мягкой мерой пресечения, если был убежден, что арест в данном случае неуместен, и по другим причинам независимо от достаточности или недостаточности улик (например, если подозреваемый арестован за преступление, за которое законом не предусмотрена мера пресечения в виде содержания под стражей). А.Ф. Кистяковский отмечал, что «ограничить контроль прокурорской власти только поверкою основательности ареста со стороны улик – это значило бы поставить этот контроль в слишком тесные границы и отступить от общего начала, а вместе с тем предать забвению истинный характер прокурорского надзора» [8, с. 175–176].

По мнению Н.В. Давыдова и А. Карраса, основанием для предложения прокурора о замене ареста на иную меру пресечения являлась не только иная оценка прокурором улик, отличавшаяся от той, которая была дана следователем, но и иная оценка данных следствия о наличии того преступления, которое инкриминировалось обвиняемому [7, с. 655]. П.И. Люблинский также отмечал, что прокурор мог считать заключение под стражей слишком строгой мерой не только в связи с недостаточностью улик, но и по другим основаниям [9, с. 396–397].

На практике прокуроры использовали свое право требовать освобождения лица из-под стражи не только в случае отсутствия достаточных улик (на что прямо указывал закон), но и по другим основаниям, указанным в ст. 421 УУС, т. е. с учетом состояния здоровья, возраста, пола и т. п. (что законом не предусматривалось в качестве основания для требования прокурора об освобождении лица из-под стражи) [9, с. 396–397]. Таким путем шла и законотворческая работа. При пересмотре законодательства высказывались предложения не ограничивать какими-либо условиями право прокурора предлагать следователю освободить обвиняемого из-под стражи. Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства 1900 г. (ст. 167), предусмотрев право прокурора требовать избрания другой меры пресечения, не связанной с лишением свободы, не ставил условие недоказанности подозрения, которое было закреплено действовавшим законом [10, с. 44–45].

Требование прокурора об освобождении лица из-под стражи было обязательным для следователя. По разъяснению Сената от 29 октября 1873 г. судебный следователь не вправе был отказать от исполнения такого требования прокурора даже в случае несогласия со взглядом прокурора; это право прокурора требовать освобождения арестованного было признано безусловным по своему существу и в связи с отсутствием в Уставе уголовного судопроизводства указаний на возможность возражения со стороны следователя [6, с. 279; 11, с. 208]. Требование прокурора о замене меры пресечения на более мягкую подлежало безусловному удовлетворению со стороны следователя, и вся ответственность за такое действие переходила на предложившего его прокурора [12, с. 321].

Правило, установленное ст. 283 УУС, было основано на том соображении, что, если обвинительная власть, обязанная обличать виновного, не находила достаточных оснований для содержания его под стражей, следовательно нет практической надобности настаивать на первоначально избранной им мере пресечения [13, с. 90]. Следовательно не вправе был ставить перед окружным судом вопрос о разрешении оставить обвиняемого под стражей вопреки предложению прокурора [6, с. 279; 7, с. 654]. При этом В. Фром и М.В. Духовской отмечали, что требование прокурора об освобождении задержанного следователь обязан был выполнить немедленно, а в случае замедления (на 2 или 3 дня) следователь мог быть обвинен в противозаконном задержании [14, с. 38; 15, с. 257].

В то же время, как следовало из определения Высшего дисциплинарного присутствия Сената от 8 февраля 1888 г., предлагая освободить обвиняемого из-под стражи, прокурор не имел права предложить следователю после освобождения обвиняемого избрать в отношении его другую конкретную меру пресечения, что зависело от следователя [7, с. 655]. Требование прокурора было обязательно только в отношении освобождения из-под стражи [16, с. 310]. Предложения прокурора изменить другие меры пресечения на более мягкие были необязательны для следователя. В связи с этим расширяющим права прокурора является утверждение Н.В. Ткачевой: для судебного следователя было обязательным требование прокурора об отмене или смягчении мер пресечения вообще [17].

Наряду с правом требовать освобождения арестованного закон предоставлял прокурору право требовать и ареста обвиняемого. По закону судебный следователь должен был уведомлять прокурора или его товарища не только о взятии обвиняемого под стражу, но и о причинах, по которым не взят под стражу или освобожден из-под стражи обвиняемый в преступлении, влекущем лишение всех прав состояния или потерю всех особенных прав и преимуществ (ст. 284 УУС). Однако на практике это требование почти не соблюдалось [18, с. 405]: фактически следователи уведомляли прокуроров в основном только об освобождении обвиняемых из-под стражи. В связи с этим и учетом того, что мера, предусмотренная ст. 284 УУС, была «затруднительна для исполнения» и не имела особого значения в интересах правосудия, бывший старший председатель Саратовской судебной палаты в начале 80-х гг. XIX в. предлагал данную статью отменить [9, с. 399; 18, с. 405]. С учетом критики указанного положения закона проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства 1900 г. не предусмотрел обязанность следователя сообщать прокурору причины, по которым не взят под стражу или освобожден из-под стражи обвиняемый [10, с. 44–45]. Если следователь сообщал прокурору или его товарищу об этих причинах, то те имели право предложить следователю задержать обвиняемого, оставленного на свободе или освобожденного из-под стражи. Если же следователь встречал в исполнении такого указания «препятствие потому, что обвиняемый не навлекает на себя достаточного подозрения» в преступлении указанного вида, то, не исполняя такого требования, он передавал этот спор на рассмотрение суда (ст. 285 УУС). Таково было единственное исключение из правила об обязательности для судебного следователя законных требований прокурора. В то же время при распространении действия Судебных уставов на губернии Варшавского судебного округа в 1875 г. и Прибалтийские губернии в 1889 г. это положение закона для них было изменено, и следователь в любом случае (даже если он не был согласен с предложением прокурора или его товарища о задержании обвиняемого) обязан был исполнить указанное требование прокурора и данный вопрос передать на рассмотрение суда [19, с. 161; 20, с. 420].

В других случаях (кроме случаев, когда следователь считал, что обвиняемый «не навлекает на себя достаточного подозрения») следователь обязан был исполнить указание прокурора об аресте обвиняемого. П.В. Макалинский указывал, что следователь не имел права не исполнить требование прокурора об аресте обвиняемого, который «навлекает на себя подозрение в преступлении» [16, с. 310]. Указанное ограничение прав следователя П.И. Люблинский рассматривал как несправедливое, а право прокурора в данном вопросе – чрезмерное [9, с. 400–401].

А.Ф. Кистяковский и А.П. Чебышев-Дмитриев отмечали, что на практике к исполнению требования прокурора об аресте обвиняемого могли быть препятствия не только в связи с тем, что «обвиняемый не навлекает на себя достаточных подозрений», но и по другим причинам, так как принятие мер пресечения по закону зависело не только от свойства улик, но и от свойства преступления, возраста, состояния здоровья, пола и т. п. [8, с. 177; 21, с. 395]. На это же обращал

внимание и П.И. Люблинский [9, с. 400]. В развитие указанного мнения проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства 1900 г. (ст. 168) предусмотрел право не исполнять требования прокурора о взятии под стражу не только в случае отсутствия достаточных доказательств вины подозреваемого, но и в случаях несоответствия указания прокурора требованиям закона об условиях взятия под стражу [10, с. 45].

Практика показала, что материалы о пререканиях между прокурорами и следователями по указанным вопросам для разрешения в суды поступали редко. Например, в 1894 г. следователи по предложениям прокуратуры освободили 2 052 обвиняемых и заключили под стражу 146, при этом несогласие с прокуратурой было только в 9 случаях [9, с. 400].

Несколько больший объем прав прокурор имел в вопросах изменения мер пресечения по делам о государственных преступлениях. На первоначальном этапе реформы следствие по таким делам проводилось одним из членов судебной палаты при личном присутствии прокурора палаты или его товарища (ст. 1037 УУС). До прибытия последних на место происшествия первоначальные меры по расследованию принимал местный судебный следователь (до 7 июня 1872 г., когда закон устранил следователей от производства следствия по делам данной категории), а при его отсутствии – полиция. После первоначального допроса взятого под стражу обвиняемого судебный следователь имел право по обстоятельствам дела применить менее строгую меру пресечения, если против этого не возражал местный прокурор или его товарищ (ст. 1040 УУС). Однако, по утверждению И.Т. Тарасова, в виду установившихся отношений между следователями и лицами прокурорского надзора такое положение закона не способствовало защите личной свободы; и «можно... не без основания предположить, что во многих случаях задержание продолжается не в силу обстоятельств дела, а во избежание возражений, хотя бы и неосновательных, которые могут быть предъявлены лицами прокурорского надзора» [22, с. 319–320].

Закон от 4 июня 1874 г. дополнил законодательство положением о том, что при производстве дознаний о противозаконных сообществах (на них распространен порядок производства, установленный для дознания по государственным преступлениям) лица, производившие дознание, могли по письменному предложению прокурора судебной палаты заключить под стражу обвиняемых и в таких преступлениях, которые не влекли за собой лишение всех прав состояния или всех особых прав и преимуществ, если эта мера представлялась необходимой для предупреждения общения обвиняемых между собой или сокрытия следов преступления (ст. 1035⁷ УУС) [23, с. 854]. Таким образом, по предложению прокурора заключение под стражу могло быть применено и по преступлениям, за которые по общему правилу такая мера пресечения не предусматривалась.

В дальнейшем порядок, по которому арест мог применяться и по преступлениям, за которые он по общему правилу не предусматривался, был распространен и на государственные преступления. Однако роль прокурора в данном вопросе изменилась с предварительного на последующий надзор. По закону от 7 июня 1904 г. [26, с. 660] лица, производившие дознание по государственным преступлениям, имели право заключить под стражу обвиняемых и по преступлениям, которые влекли за собой наказание ниже исправительного дома, если эта мера представлялась необходимой для предупреждения общения обвиняемых между собой или сокрытия следов преступного деяния. О таком распоряжении они немедленно должны были сообщить прокурору, осуществлявшему надзор за дознанием. А прокурор имел право письменно предложить отменить эту меру, если по обстоятельствам дела признавал, что та не вызывается необходимостью (ст. 1035¹⁴ УУС). Затруднения, возникавшие при производстве дознания по делам о государственных преступлениях, в том числе и по вопросу избрания обвиняемому меры пресечения, разрешались прокурором судебной палаты. При этом сделанное распоряжение о личном задержании обвиняемого или взятии с него залога сохраняло свою силу до разрешения возникшего затруднения (ст. 1035¹⁶ УУС) [24, с. 660].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в результате судебной реформы 1864 г. закон предусмотрел возможность влияния прокурора на применение меры пресечения в виде заключения под стражу (в отличие от других мер пресечения, на избрание которых не имел право влиять). Прокурор был наделен, с одной стороны, правом требовать освобождения арестованного, а с другой – правом требовать ареста обвиняемого. Практика показала, что прокуроры активнее реализовывали свое право требовать освобождения арестованных из-под

стражи; указания же об аресте обвиняемого давали значительно реже. Требования прокурора об изменении содержания под стражей на другую, менее строгую меру пресечения, были обязательными для следователя. При этом практика шла по пути расширительного толкования прокурорами положений закона об основаниях для их требований об освобождении арестованных и избрании им других мер пресечения. Указания прокурора о замене менее строгой меры пресечения на содержание под стражей следователь мог оспорить в суде. Однако фактически такие споры в судах рассматривались редко. По делам о государственных преступлениях прокурор имел дополнительные правовые возможности влияния на применение заключения под стражу в качестве меры пресечения.

1. Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках // Свод законов Российской империи : в 15 т. Законы уголовные. – Кн. 2. – СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857.

2. Наказ судебным следователям : Высочайше утв. 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. – Собр. 2-е. – Т. 35. – Отд. 1. – СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1862. – Ст. 35891.

3. О некоторых изменениях и дополнениях в законах о правах и обязанностях лиц прокурорского надзора : Высочайше утв. мнение Гос. Совета от 7 марта 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. – Собр. 2-е. – Т. 41. – Отд. 1. – СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1868. – № 43077.

4. О пресечении обвиняемым способов уклоняться от следствия и суда : Высочайше утв. мнение Гос. Совета от 15 мая 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. – Собр. 2-е. – Т. 42. – Отд. 1. – СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1871. – № 44585.

5. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – Т. 8 : Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский. – М. : Юрид. лит., 1991. – С. 120–251.

6. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. – 11-е изд., перераб., испр. и доп. по 1-е октября 1912 г. / под ред. Г.С. Щегловитова. – СПб. : Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. – 948 с.

7. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под ред. М.Н. Гернета. – Вып. III. – М. : Изд-во М.М. Зива : Тип. А.И. Мамонтова, 1914. – 944 с.

8. Кистяковский, А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда / А.Ф. Кистяковский. – СПб. : Изд-во «Судеб. вестн.» : Тип. Правительствующего Сената, 1868. – 196 с.

9. Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия / П.И. Люблинский. – СПб. : Сенат. тип., 1906. – 703 с.

10. Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, составленный Высочайше учрежденною Комиссиею для пересмотра законоположений по судебной части. – СПб. : Сенат. тип., 1900. – 513 с.

11. Соколов, А.А. Практическое руководство для судебных следователей : в 3 т. / А.А. Соколов. – Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1891. – Т. 1. – 575 с.

12. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра Юстиции / сост. В. Ширков ; под ред. М. Шрамченко. – СПб. : Изд-во Юрид. книж. магазина Н.К. Мартынова, 1899. – 948 с.

13. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет : 2 т. – Т. 2. – Петроград : Сенат. тип., 1914. – 831 с.

14. Фром, В. Руководство по делам уголовным для чинов уездной полиции / В. Фром. – Одесса : Тип. акционер. Южно-Рус. О-ва печат. дела, 1908. – 98 с.

15. Духовской, М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. – М. : Тип. А.К. Поплавского, 1910. – 448 с.

16. Тимановский, А. Сборник толкований русских юристов к Судебным уставам Императора Александра Второго. За двадцать пять лет (1866–1891). Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства. 2000 тезисов / А. Тимановский. – Изд. 2-е. – Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1892. – 651 с.

17. Ткачева, Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России : монография / Н.В. Ткачева ; науч. ред. А.В. Кудрявцева, Н.В. Ткачева. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 192 с.

18. Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. – СПб. : Изд-во М-ва юстиции : Тип. Правительствующего Сената, 1882. – 428 с.

19. Положение о применении Судебных уставов 20 ноября 1864 г. к Варшавскому судебному округу : Высочайше утв. 19 февр. 1875 г. : в 55 т. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2-е. – Т. 50. – Отд. 1. – СПб., 1877. – № 54401.

20. Положение о преобразовании судебной части в Прибалтийских губерниях : Высочайше утв. 9 июля 1889 г. : в 33 т. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. 9. – СПб., 1891. – № 6188.

21. Чебышев-Дмитриев, А. Русское уголовное судопроизводство по Судебным уставам 20 ноября 1864 г. / А. Чебышев-Дмитриев. – СПб. : Изд-во В.П. Печаткина, 1875. – 756 с.

22. Тарасов, И.Д. Личное задержание как полицейская мера безопасности : в 2 ч. / И.Д. Тарасов. – Ч. 2 : Полицейский арест в России // Временник Демидовского юридического лица. – Кн. 39. – Ярославль : Тип. Г.В. Фальк, 1886. – 405 с.

23. О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных : Высочайше утв. мнение Гос. Совета от 4 июня 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. – Собр. 2-е. – Т. 49. – Отд. 1. – СПб., 1876. – № 53606.

24. О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного Уложения : Высочайше утв. мнение Гос. Совета от 7 июня 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. – Собр. 3-е. – Т. 24. – Отд. 1. – СПб., 1907. – № 24732.

Дата поступления в редакцию: 26.01.16

V.P. Gorbachev, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Legal Disciplines and Forensic Expertise of the Donetsk Law Institute of the MIA of Ukraine

PROSECUTOR'S INFLUENCE ON THE USE OF DETENTION AS A MEASURE OF RESTRAINT ON JUDICIAL REFORM IN 1864 y. IN THE RUSSIAN EMPIRE

The article is devoted to the research of legal role of prosecutor in application and abolition of detention as preventive measures in the Russian Empire in the 2nd half of XIX – early XX century. Analyzed prosecutor's right to give instructions to investigator on release of an arrested person from custody and instructions on arrest of the accused, as well as legal consequences of such instructions. Practice has shown that prosecutors use more active their right to demand release of prisoners from detention, but the requirement to arrest of the accused they were given much less. Prosecutor's instructions about changing detention by another less severe measure of restraint was compulsory for investigator. But investigator had the right to appeal in court instructions of prosecutor to replace less stringent preventive measure by detention. However, in practice, such disputes in the courts considered rare.

Keywords: preventive measure, detention; release from detention; public prosecutor; prosecutor supervision.

УДК 343.98

О.Б. Дронова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистической техники Волгоградской академии МВД России (e-mail: nio-va@rambler.ru)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРАФАКТНЫХ ТОВАРОВ ПОСРЕДСТВОМ ДОСМОТРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ

Рассматривается эффективность возможного применения федеральной таможенной службой мер принудительного вскрытия международных почтовых отправлений, поступающих от иностранных интернет-магазинов. Обосновывается законность действий специальных служб, направленная на недопущение в товарообороте контрафактных товаров и выявление основных источников их поставок.

Ключевые слова: контрафакт, товароборот, федеральная таможенная служба, международное почтовое отправление.

Стремительно развивающийся рынок интернет-торговли и в условиях экономического кризиса неизбежно сопровождается появлением в товарообороте товаров ненадлежащего качества, в том числе контрафактной продукции. Согласно сведениям Федеральной таможенной службы Российской Федерации (ФТС) за 2015 г. было изъято контрафактного товара на сумму более 4,5 млрд р.

В качестве возможной меры контроля ввоза в страну контрафактных товаров рассматривается опыт ряда европейских государств, заключающийся во вскрытии 5 % посылок, поступающих потребителям от иностранных интернет-магазинов (AliExpress, Taobao, eBay, Quelle, и т. д.). Данный подход был предложен Ассоциацией компаний интернет-торговли (АКИТ) в целях «борьбы с контрафактом в узком сегменте рынка, заключающегося в доставке товаров частным лицам, с целью выявить основные каналы поступления в Россию контрафакта и их пресечения» [1]. В качестве механизма реализации такого подхода ФТС предлагается вскрывать 5 % таких посылок, определяемых методом случайной выборки с последующим направлением фирме-изготовителю на экспертизу для подтверждения или опровержения оригинальности происхождения товара.